

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

*Сукареев
Мойнаев*

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ**

**МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ УЗБЕКИСТАНА**

ТОМ II

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АН УзССР
Ташкент—1950**

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Manuscripts.

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ УЗБЕКИСТАНА

ТОМ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН УзССР
Ташкент—1950

В. А. Шишкин

МИНАРЕТ В ДЖАР-КУРГАНЕ

Стройный и легкий силуэт Джаркурганского минарета, возвышающийся близ полотна железной дороги на расстоянии около двух километров от современного районного центра, давно обратил на себя внимание исследователей. В. В. Бартольд в 1900 г. высказал предположение, что эта «башня из жженого кирпича, высотой около 40 аршин и в диаметре около двух сажень» находится на месте древнего Сармангана или Чармангана, о котором сообщают географы IX—X вв.¹ Еще в 70-х годах XIX в. минарет, вместе с сохранившимися тогда остатками зданий, возвышающихся рядом с ним, был зарисован художником Н. Н. Каразиным, находившемся в составе так называемой «Самарской ученой экспедиции»²; в 1902 г. минарет был сфотографирован инженером Б. Н. Кастальским³. Рисунок Каразина и фотография Кастальского являются старейшими иконографическими материалами, относящимися к исследуемому памятнику. Неоднократно описывался Джаркурганский минарет также и в научной литературе советского времени⁴. Наиболее обстоятельное описание его принадлежит Б. Н. Засыпкину, который в 1927 г. выполнил обмер минарета, определив при этом высоту сохранившейся его части в 21,7 м, при верхнем диаметре, равном

¹ Biblioth. geograph. arabic., I, 339—340; Якут, III 383. В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, СПб. 1900, стр. 75, со ссылкой на «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», в. I, стр. 396.

² Гравюра во «Всемирной иллюстрации», 1880, № 608, стр. 176.

³ Б. Н. Кастальский, Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин, «Вестник ирригации», 1930, № 3, стр. 12—13.

⁴ Б. П. Денике, Термез, «Новый Восток», № 22, стр. 222; его же, Архитектурный орнамент Средней Азии, М.-Л., 1939, стр. 22; Б. Н. Засыпкин, Памятники архитектуры Термезского района, «Культура Востока», вып. II, стр. 21, 36 и след. и др. Последняя по времени публикация памятника—Б. Н. Засыпкин, Архитектура Средней Азии, М., 1948, стр. 64—65.

4,1 м¹. В том же году В. Л. Вяткиным была частично прочитана одна из надписей, содержащая имя мастера, построившего минарет—Али, сын Мухаммада².

В 1938 г. в план работ Термезской археологической комплексной экспедиции, работавшей под общим руководством

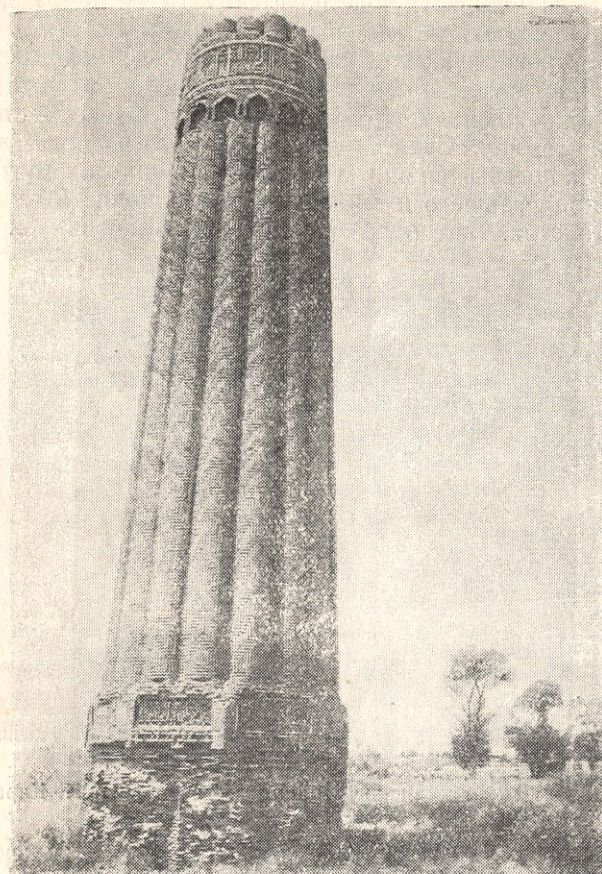

Рис. 1. Минарет в Джар-кургане

М. Е. Массона, было включено новое обследование минарета, производившееся автором статьи вместе с архитектором Г. А. Пугаченковой. При этом были прочитаны надписи на

¹ Б. Н. Засыпкин, Архитектурные памятники Средней Азии, «Вопросы реставрации», II, М., 1928, стр. 278—281.

² Б. Н. Засыпкин, Памятники архитектуры Термезского района, стр. 39.

здании и частично исследована часть сооружения, находящаяся ниже современного уровня земли, с целью выявления цоколя и фундамента.

Управлением по делам архитектуры УзССР в 1948 г. были произведены работы по укреплению минарета для предотвращения дальнейших разрушений. Работы производил В. П. Петров. Одновременно архитектором А. К. Лазаревым были выполнены новые обмеры памятника.

Минарет расположен на слегка всхолмленной местности, занятой в настоящее время посевами хлопка, бахчами и древесными насаждениями, подступающими со всех сторон к самому памятнику. Судя по прежним фотографиям, эти насаждения и посевы заняли площадь обширного бугристого пустыря, прилегавшего к минарету, еще в конце 20-х гг. текущего столетия. Еще более разительны изменения окружаю-

Рис. 2. Здания у Джаркурганского минарета (рисунок Н. Н. Каразина)

щей местности по сравнению с тем, что было зафиксировано в упоминавшемся рисунке Каразина, на котором влево от минарета изображены развалины большого монументального здания с многочисленными стрельчатыми арками, нишами и проходами. Вдали за минаретом на рисунке виднеются остатки значительного купольного сооружения. Повидимому, еще в конце прошлого или в начале этого столетия от всех этих построек не осталось никаких следов, — они были разобраны местным населением, выбравшим даже фундаменты существовавших здесь зданий.

Путем расспросов местных жителей удалось выяснить,

что встарину вокруг минарета было много построек из жженого кирпича. Самая большая из них находилась рядом с минаретом, к югу от него, и являлась, повидимому, той мечетью, при которой был построен существующий минарет. Кроме того, по рассказам тех же людей, здесь были какие-то длинные коридоры, хаузы, обложенные кирпичом, и другие сооружения, занимавшие обширную площадь. Развалины носили название Гульгуля¹. Большое количество монументальных зданий, часть которых сохранялась в виде развалин еще на памяти старожилков, свидетельствует о существовании на этом месте значительного города. Но последнему как будто противоречит характер местности: здесь нет никаких особо заметных повышений, характерных для всех старых городов Средней Азии, которые всегда виднеются издали в виде более или менее массивных холмов. Не обнаружено нами также в тех местах, где это представлялось возможным проследить, и сколько-нибудь заметных культурных наслоений.

Возникающее вследствие этого противоречие может быть разрешено, как нам кажется, только предположением, что возведенные на описываемой территории постройки возникли в относительно короткое время и что они использовались также очень недолго. Иначе говоря, мы имеем здесь дело с каким-то городом-эфемером, возникшим, быть может, по воле какого-то неизвестного нам правителя или кратковременной правившей династии и затем оставленным и заброшенным. Поэтому высказанное В. В. Бартольдом предположение, что Джаркурганский минарет находится на месте древнего Сармангана, едва ли может быть принято.

Цокольная часть минарета представляет собой восьмигранник. Середина каждой грани прорезана небольшой и узкой декоративной нишей, полукруглой в сечении, со стрельчатым завершением. Верх грани над декоративной нишей оформлен в виде прямоугольной рамки, заключающей в себе часть надписи, выложенной из тесаных терракотовых плиток и проходящей таким образом по верху цоколя. Содержание этой надписи, поскольку она могла быть нами прочитана, приводится ниже. Все остающееся свободным поле грани заполнено несложным по своему построению узором, образованным фигурной выкладкой выступающих из поверхности стены кирпичей, таких же, из которых построено все здание. В настоящее время сохранилась только верхняя часть этой фигур-

¹ Это ходовое название, обозначающее «шумное, оживленное место», носит скорее нарицательный характер и присваивалось различным развалинам древних городов. Названия «Миа», указанного в подписи под рисунком Каразина, местные жители не знают.

ной выкладки, в нижней же части в 1938 г. имелись значительные выпадки и разрушения.

Стены восьмигранника теперь углублены в землю на 1,5 м. Глубже этого—цоколь переходит в фундамент, выступающий наружу на 25—30 см. Фундамент сложен из жженого кирпича на растворе серого цвета, напоминающем «кировый» раствор термезской «набережной»¹. Фундамент вскрыт был на глубину 1,5 м, но до конца не прослежен. Таким образом, общая глубина залегания фундамента осталась невыясненной. В шурфе на глубину 80—100 см шел рыхлый, но плохо поддававшийся лопате завал из строительного мусора: жженого кирпича, алебаstra, мелкой земли. Нередко встречались обломки фигурных, вытесанных кирпичей от облицовки самого минарета. Фрагменты керамики встречены только в верхней части слоя; по времени они не старше прошлого столетия. Весь этот слой несомненно образовался уже при разрушении строений вокруг минарета. Ниже—слой относительно плотной глины, слоистой, как бы утрамбованной. В глине встречаются, хотя и очень редко, угольки и куски кирпича. На глубине около 1,5 м от поверхности земли начинается более плотная глина, в которой ни угольков, ни керамики не обнаружено.

Минарет возвышается над восьмигранным цоколем в виде суживающегося вверх столба, поверхность которого образована шестнадцатью полукруглыми жгутами-ребрами. Эти ребра, также суживающиеся кверху, несколько расходятся внизу, около цоколя, как бы показывая круглое тело минарета, и более плотно смыкаются друг с другом в верхней части, где они соединяются одно с другим стрельчатыми арочками. Тимпаны арочек заполнены простым узором из чередующихся в шахматном порядке терракотовых кружочков и бантиков. Над арочками тело минарета опоясывает широкая полоса надписи, выложенной так же, как и надпись на цоколе, из терракотовых плиток и обрамленной сверху и снизу одинаковыми орнаментальными полосками, где чередуются кружки и довольно сложные терракотовые же бантики.

Выше пояса с надписью сохранилась на очень небольшую высоту вторая, верхняя часть минарета, образованная также шестнадцатью полукруглыми ребрами, составляющими продолжение ребер нижнего яруса.

Орнаментальное убранство минарета дополняется тем, что кладка жгутов-ребер выполнена очень тщательной гладкой выкладкой «в елку», где кирпичи, положенные горизонтально, чередуются с вертикальными, напоминая переплеты рядного

¹ Смесь извести с камышовой золой; обладает гидравлическими свойствами и употребляется в тех случаях, когда постройка подвергается влиянию сырости.

холста. Все это поражает исключительно высоким качеством выполнения строительных работ, очень большой четкостью и точностью, почти безукоризненной строгостью общей формы и деталей.

Силуэт минарета получает большую мягкость линий благодаря очень незначительной бочкообразной припухлости, которую можно сопоставить с энтазисом античных колонн. Эта припухлость равномерно прослеживается со всех сторон и вряд ли могла появиться в результате деформации сооружения от времени. Скорей всего мы здесь имеем тонкий художественный прием, продиктованный стремлением избежать слишком сухих прямых линий в рисунке силуэта.

Вход в минарет находится в югозападной грани восьмигранника цоколя, чем этот минарет отличается от известных минаретов Бухары и Вабкента, в которых входы расположены на значительной высоте от земли. От входа, изгибаясь вверх налево, идет сильно разрушенная лестница из жженого кирпича. Верх лестничного хода оформлен кладкой из выступающих один над другими напуском рядов кирпича.

Поверхность минарета покрыта, как и все древние здания Средней Азии, легким налетом золотистой патины—«загара» и хорошо сохранила фактуру кирпичной кладки, за исключением разрушенного низа цокольной части и некоторых выпадков и разрушений в арочках сверху, под поясом надписи. Кроме того, минарет постепенно разрушался сверху, где надо полагать, местные жители брали кирпич для своих хозяйственных нужд. На рисунке Каразина минарет изображен со значительно лучше сохранившимся верхним ярусом, да и сравнивая с данными Б. Н. Засыпкина мы также убеждаемся, что за истекшие годы минарет потерял некоторую часть своей высоты. В настоящее время, как сказано выше, в результате ремонтно-реставрационных работ, произведенных Управлением по делам архитектуры УзССР, все разрушенные места заделаны и памятник предохранен от дальнейшего разрушения¹.

Отметим еще, что минарет в настоящее время имеет небольшой крен на юго-запад. Отклонение оси минарета от вертикали, по нашим грубым измерениям, сделанным с помощью горного компаса, достигает 1,5—2,5°.

Задавшись целью опубликовать некоторые новые данные о Джаркурганском минарете, мы оставляем в стороне вопрос о генезисе этой архитектурной формы и ограничимся лишь указанием на отмечавшееся рядом авторов родство его по технике строительства и декоративно-архитектурным призна-

¹ Работы производились в 1948 г. под руководством архитектора В. П. Петрова.

кам с большим числом памятников, остатки которых сохранились на обширной территории, включающей Хорезм, долину Заравшана, область Термеза и северо-восточный Иран и относящейся по времени к эпохе развития феодальных отношений среди оседлой части населения Средней Азии. Эта эпоха определяется хронологическими рамками V—XII вв., причем в конце указанного периода типические черты этого раннефеодального архитектурного стиля, как бы мы его назвали, предстают уже в пережиточных формах. Наиболее характерной и легко распознаваемой чертой этого стиля, даже в незначительных фрагментах зданий, является своеобразный прием декора стены тесно сдвинутыми полуколоннами, соединяемыми друг с другом сверху полуциркульными или эллипсоидными, а в конце периода—стрельчатыми арочками. Эта черта, как мы видели, свойственна и Джаркурганскому минарету. На основании этого признака, описываемый памятник раньше сближали в первую очередь с хорасанскими памятниками: так называемыми «башенными мавзолеями» в Радкане и Рее, отчасти—с башней Кабуса. Однако, даже приняв во внимание, что мастером, построившим минарет, как мы увидим дальше, был мастер из Хорасана, нет никаких оснований говорить здесь о каких-либо хорасанских влияниях: большая, подавляющая масса памятников с «гофрированными» поверхностями стен находится на территории Средней Азии; здесь они наиболее древни, на них можно проследить историческую эволюцию данного строительного приема, и нам представляется несомненным, что этот вид декора стены был создан среднеазиатскими мастерами¹, а появление таких памятников, как упомянутые мавзолеи Радкана и Рея, объясняется тем, что строительство северо-восточных областей Ирана было тесно связано со среднеазиатской архитектурной традицией.

* * *

Значительный интерес представляет Джаркурганский минарет в эпиграфическом отношении. На нем сохранилось несколько надписей, выполненных, как сказано выше, выкладкой из вытесанных терракотовых плиток. Надписи характеризуются строгим, четкого рисунка стилем куфи с незначительными добавочными украшениями.

Первая из этих надписей, опоясывающая минарет в верхней части, над поясом арок, содержит первую половину 18 стиха 9 главы корана². Вторая половина стиха, надо пола-

¹ Работы А. И. Тереножкина и С. П. Толстова о памятниках Хорезма. Остатки «гофрированной» стены были обнаружены нами также и на городище Варахша в Бухарской области.

² Перевод Г. Саблукова, изд. 2, Казань, 1894, стр. 159.

гать, была написана в таком же поясе не сохранившегося второго яруса.

Вторая надпись, в прямоугольном продолговатом картуше, помещена на одном из ребер, вертикальной строчкой. Эта надпись была прочитана частично в 1927 г. В. Л. Вяткиным, который разобрал в ней имя мастера, строившего минарет, но последнее слово, содержащее нисбу (прозвище, обычно по месту рождения) строителя, им не было прочитано. Эта безукоризненно сохранившаяся коротенькая надпись содержит следующий текст:

عمل علی بن محمد السرخسی

«Работа Али, сына Мухаммада из Серахса».

Наибольший интерес представляет, однако, третья надпись, содержащаяся в восьми прямоугольных рамках, раз-

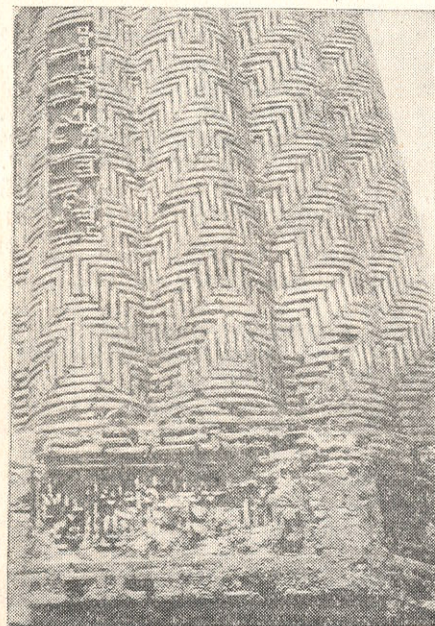

Рис. 3. Надпись с именем мастера

мещенных в верхней части цоколя здания. К сожалению, эта надпись оказалась и наиболее испорченной временем. Многие буквы или части их выкрошились; местами надпись, в 1938 г., когда мы ее видели, была покрыта толстым слоем алебастровой штукатурки, по которой также были вырезаны арабские буквы, настолько плохо сохранившиеся, что разобрать здесь

что-либо не представлялось возможным. В 1948 г. при ремонтных работах терракотовая надпись была расчищена от покрывающих ее остатков штукатурки, после чего производившим ремонтные работы В. П. Петровым были изготовлены кальки, любезно предоставленные мне Управлением по делам архитектуры УзССР. Эти кальки помогли в некоторых случаях уточнить чтение надписи и восполнить часть имевшихся в моих записях пробелов. Все же прочесть надпись полностью не удалось. В надписи удалось разобрать нижеследующее:

(١) تقررالى الله تعالى ذبايخ

(٢) المسجد و المنارة الامير

(٣) الاسفوسالار الاجل

(٤) السيد الكبير المويد العادل

(٥) عماد الدولة و الدين

(٦) معين الاسلام و المسلمين

(٧) امير خراسان ابوسعيد

(٨) وسنعر (?) نصره امير المومنين

«... (1) Возвел в жертву аллаху всевышнему... (2) мечеть и минарет эмир, (3) испахсалар прославленный, (4) великий сейид, защита правосудия, (5) опора государства и религии, (6) покровитель ислама и мусульман, (7) эмир Хорасана, Абу-Са'ид, (8) ...помощник эмира правоверных»

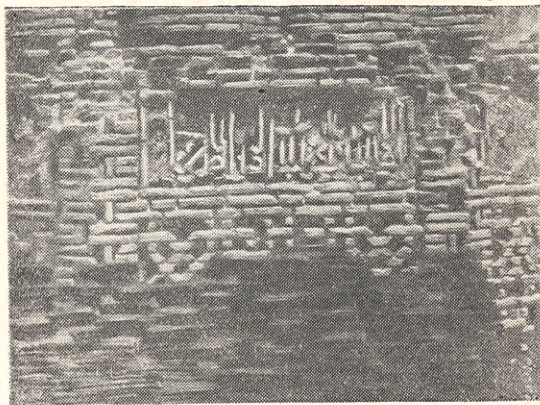

Рис. 4. Надпись на восьмиграннике; третий картуш.

В последних трех прямоугольниках имелась сверху вторая строка надписи, выложенная в той же технике, но более мелким шрифтом. В шестом и седьмом прямоугольниках верх-

ние строки настолько сбиты, что не читаются совершенно; в восьмом она сохранилась лучше и в ней можно разобрать слова: *اثنى و خمس مائة* «пятьсот второй», дату возведения памятника по мусульманской эре, что соответствует 1108/1109 г. нашей эры.

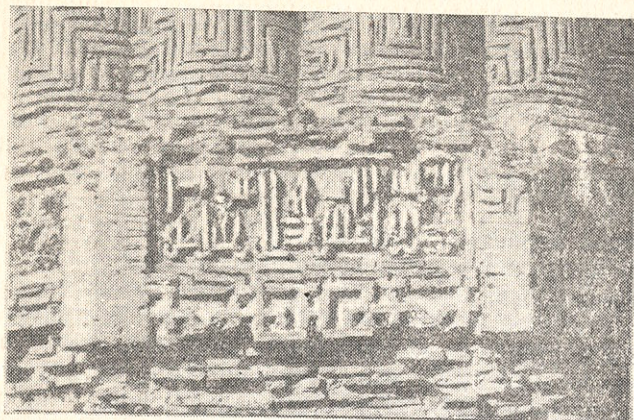

Рис. 5. Надпись на восьмиграннике; шестой картуш

Прочитанная нами дата дает возможность поставить Джаркурганский минарет на соответствующее место в истории развития среднеазиатского строительного искусства. Писавшие о минарете авторы, основывавшиеся лишь на стилистическом анализе особенностей здания, не совсем уверенно и по разному определяли даты: Б. Н. Засыпкин, а за ним и Б. В. Веймарн датировали минарет XII—XIII вв.¹, М. Е. Массон—XIII в.². Более правильно дату минарета определил Б. П. Денике (XII в.), опиравшийся при этом на соображения исторического порядка³. В позднейших трудах по истории среднеазиатского зодчества принята уже прочитанная нами дата⁴.

* * *

Значительно более трудным является вопрос о личности того «эмира Хорасана», по приказанию которого мастер Али

¹ Б. Н. Засыпкин, Памятники архитектуры Термезского района, стр. 36 и Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 281; Б. В. Веймарн, Искусство Средней Азии, М.-Л., 1940, стр. 35.

² М. Е. Массон, Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах. Материалы Узкомстариса, вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 7.

³ Б. П. Денике, Архитектурный орнамент Срденей Азии, стр. 24.

⁴ Б. Н. Засыпкин, Архитектура Средней Азии, стр. 64—65.

из Серакса возвел эту замечательную постройку, так как период, указанный в вышеприведенной надписи, очень слабо освещен имеющимися источниками.

К тому времени, когда был воздвигнут минарет, могущество грозной державы Махмуда Газневи и основанной им династии было уже сломлено. Среди сельджукских султанов шла борьба за власть между сыновьями Мелик-шаха. Главной династии в начале VI в. хиджры являлся Абу-Шуджа Мухаммад, правителем же Хорасана был другой представитель династии сельджуков—Санджар. Мавераннахром правил Мухаммад Арслан-хан, обязанный своей властью покровительству Санджара, с помощью которого он утвердился на престоле и который неоднократно позднее оказывал ему поддержку.

Эмиром Хорасана, имевшим право на титул, указанный в надписи на минарете, являлся только Санджар, управлявший этой областью в течение почти 20 лет до своего вступления на престол в 511/1118 г. Но надпись Джаркурганского минарета составлена не от имени Санджара. Этому противоречит начертание букв имени в конце надписи, окончательно нами не разобранный. Вместо известной кунии Санджара—Абул-Харис, в надписи читается Абу-Са'ид. Следовательно, отнести этот памятник к числу зданий, построенных Санджаром, не представляется возможным. Не мог являться строителем минарета и Мухаммад Арслан-хан, владения которого подходили с другой стороны к Термезской области; его имени в надписи нет, да и «эмиром Хорасана» он вряд ли мог бы называться.

В то же время пышная титулатура эмира—строителя минарета, ссылка на авторитет «повелителя правоверных»—халифа в конце надписи, так же как и самая монументальность здания говорят о том, что строитель его должен был принадлежать к числу весьма влиятельных людей.

При скудости исторических сведений, которыми мы располагаем, и проблематичности чтения собственного имени в надписи мы попытаемся все же наметить, хотя бы предположительно, некоторые исторические вехи, которые помогли бы расшифровать историю возникновения минарета и окружающего его города. В дошедшей до нас версии «Истории Бухары» Наршахи¹ сохранились сведения, передаваемые также Ибн-ал-Асиром², о караханидском царевиче, претендовавшем на власть в Мавераннахре, имя которого различными рукописями передается в очень большом количестве вариантов

¹ M. Nerchakhy, Description topographique et historique de Bokhara... ed. Schefer, Paris, 1892, p. 239—240.

² Ibn-al-Athiri Chronicon, ed. E. Tornberg, Lugd. Batav., 1864, t. x. 241, 252, 335.

ساغو، هاغو، صاغر، ساغر

Первое выступление этого царевича относится к 1103 г., когда он, собрав войска, двинулся на Самарканд. Благодаря вмешательству Санджара, оказавшего помощь своему ставленнику Мухаммад Арслан-хану, между ними был заключен мир. Через несколько лет, в 508 г. хиджры (1109 г. н. э.) упомянутый царевич еще раз поднял восстание и направился с войском в сторону Самарканда. Снова с помощью Санджара Мухаммад Арслан-хан разбил своего противника под Нахшабом.

Приведенные здесь источники не сообщают ни о месте, где собирал свои войска претендент, ни о том, где он находился в период между двумя выступлениями против Мухаммад Арслан-хана и Санджара. Только в последнем из приведенных сообщений указывается место битвы—под Нахшабом, следовательно—к югу от Самарканда, откуда идет дорога на Термез и Балх, что дает возможность предположить, что именно здесь, в юговосточной части современного Узбекистана, находилась база претендента и где, возможно, он держался после заключения мира между 1102 и 1109 гг.

Всех этих данных, быть может, недостаточно для окончательного суждения о личности строителя города, находившегося в окрестностях современного Джар-кургана, но они делают возможным предположение о том, что строителем его был караханидский претендент, противник Арслан-хана. Это предположение подкрепляется и отмеченным выше фактом отсутствия сколько-нибудь значительных культурных наслоений, что могло иметь место только в случае непродолжительной жизни города, покинутого вскоре после его постройки.

Таким образом, если принять высказанное предположение об обстоятельствах постройки минарета, а также и того города, в котором он был возведен, мы получаем новый штрих к истории раннего феодализма в Средней Азии—времени караханидов, далеко недостаточно освещенного письменными источниками. Это памятник одной из тех феодальных войн, которые столетиями потрясали Среднюю Азию, осложняя политическую обстановку и задерживая тем самым развитие производительных сил страны, тяжело отражаясь на жизни и благосостоянии низовых трудовых слоев населения. Минарет в Джар-кургане свидетельствует при этом об усиленной феодальной эксплуатации, быть может, об использовании также труда рабов или военнопленных. Только при этом условии в

¹ Ibn-al-Athir, 335; В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 340.

короткий срок могли быть возведены грандиозные постройки, к тому же мастерски выполненные и являющиеся незаурядным произведением строительного искусства народов Средней Азии, для временного и вряд ли очень могущественного царевича-претендента.

Дополнительные данные для истории города могло бы дать обстоятельное исследование сохранившихся еще в земле остатков и следов построек.

В. А. Нильсен

БУХАРСКИЙ НАМАЗГО

Время существования Караханидского государства — XI—XII вв.—является периодом, когда на основе интенсивно развивающихся феодальных отношений складываются новые формы социального быта, откладывающие яркий отпечаток на все виды народного творчества, в том числе и архитектуру.

Памятники архитектуры, построенные в это время, естественно, в некоторой степени отражают изменения, происходившие в жизни народа в связи с утверждением феодализма. Они являются надежным историографическим материалом в деле изучения не только истории материальной культуры, но и истории развития общественных сил и отношений.

Особый интерес представляют памятники в крупных исторических городах, как например в Бухаре, где в основном и проходило формирование средневековой архитектуры. Одним из таких памятников является находящаяся за городскими стенами праздничная мечеть—Намазго.

Первое наиболее точное и полное описание этого памятника мы находим у В. А. Шишкина в его исследованиях по бухарской архитектуре¹. Не вдаваясь в анализ композиционных приемов и архитектурных форм, автор довольно подробно описывает памятник и на основании древних письменных источников датирует его.

Из трудов по специальному исследованию мечети можно назвать статью С. А. Судакова «Архитектура Сельджуков в Средней Азии», где автор, исследуя архитектурные памятники Мерва, привлекает для сравнения материалы по некоторым памятникам Мавераннахра². Так, описывая мечеть Талхатан-баба, он сравнивает ее с бухарской мечетью Намазго.

¹ В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 38—42.

² С. А. Судаков, Архитектура Сельджуков в Средней Азии, СОНАТ, 1938, № 10, стр. 56—65.

Основным моментом для сравнения их считается близость по «архитектурному типу и характеру декорировки». Близость же по «архитектурному типу» заключается в том, что в мечети Намазго «расположение внутренних частей в основных частях повторяет Тулхатын-баба (орфография Судакова): в центре более обширный, квадратный в плане неф, перекрытый куполом, с северной и южной сторон примыкают боковые приделы с самостоятельными перекрытиями»¹. Это заключение можно считать неправильным уже потому, что мечеть Талхатан-баба относится к «сельджукскому времени»², между тем как Намазго в настоящее время по своей планировке и композиционному построению относится к XVI в.

Кроме того, несмотря на кажущееся сходство в решении плана, это совершенно различные памятники в композиционном построении. Так, мечеть Талхатан-баба—сооружение замкнутое, с одним большим проемом в центре восточной стены и двумя небольшими выходами в боковых притворах; в основу же композиции Намазго положен принцип сквозного пространственного решения, и только одна западная стена у него глухая. «Характер декорировки» сходен не только у Талхатан-баба и западной стены Намазго, как это указывает автор, но он имеет общие стилевые особенности для всех памятников XI—XII столетий в Средней Азии.

В обобщающих искусствоведческих трудах Б. В. Веймарна и Б. П. Денике мечеть Намазго упоминается вскользь и то только при описании декоративного убранства ее западной стены³.

В 1934 г. памятник подвергся археологическому обследованию и ремонтно-реставрационным работам со стороны Бухкомстариса (руковод. В. А. Шишкин, арх. Н. М. Бачинский). Частично была вскрыта из-под слоя штукатурок декоративная фактура западной стены и укреплена кладка пиштака и купольных перекрытий.

В 1946—1947 гг. памятник был обследован автором данной статьи. Помимо общих обмеров всего сооружения, были произведены детальные замеры художественно-декоративного убранства западной стены, археологический анализ ее напластований с наружной стороны и сделан ряд акварельных зарисовок памятника и его отдельных частей.

Мечеть представляет собой сооружение разновременное и разнохарактерное по времени строительства и в основе

¹ С. А. Судаков, Цитир. соч., стр. 59

² Жуковский, Древности Закаспийского края, Развалины старого Мерва, СПб, 1894, стр. 190.

³ Б. П. Денике, Архитектурный орнамент Средней Азии, М.-Л., 1939, стр. 104; Б. В. Веймарн, Искусство Средней Азии, М.-Л., 1940, стр. 45—46.

своей архитектурной композиции, как указывалось выше, относится к XVI в.

В этом здании наиболее ярко выражен новый композиционный прием—включение наружного пространства в архитектурную композицию сооружения. Представляя собой стройный арочный портик (рис. 1), открытый с трех сторон, мечеть

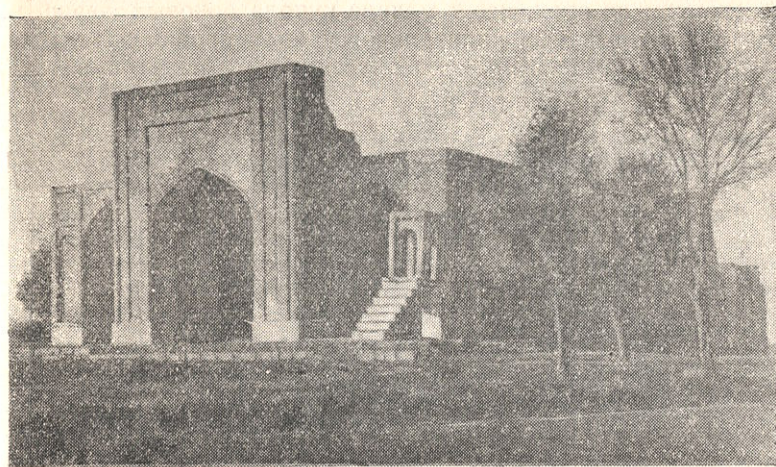

Рис. 1. Общий вид Намазго

Намазго точно так же, как и некоторые другие памятники конца XVI в., основана на принципе восприятия его не с точки, расположенной на главной оси сооружения, как в большинстве сохранившихся зданий предшествующего времени, а на обозрение ее со многих точек. Причем именно при взгляде на мечеть сбоку, когда видно, что галереи сквозные, мы наиболее остро воспринимаем необычность всей композиции и улавливаем взаимосвязь сооружения с наружным пространством.

Трехпролетный арочный портик имеет акцент на среднем главном нефе, где находится михраб. Этот акцент выражен в увеличенном размере нефа, в более сложной и стройной системе купольного перекрытия и пиштаком с фасада, подчеркивающего центральность всей композиции (рис. 2). Все это сооружение как бы случайно примкнуто к западной стене; внутренние устои под арками не совпадают с членениями стены; они даже закрывают в боковом нефе декоративные арочки на западной стене и только центральная ниша михраба располагается строго симметрично по оси главного нефа. Ее размерами обусловлен размер и конфигурация позд-

нейших помещений. Сама михрабная ниша является как бы одной из ниш крестообразного плана, где через внутренние углы креста перекинуты четыре перекрещивающихся арки, несущих купол. Пространство между нижней гранью купола и отрезками кривых арки заполнены системой щитовидных парусов.

Та же система щитовидных парусов, состоящая из трех пересекающихся арок, несет мелкие купола боковых нефов (из которых северный был капитально отремонтирован в 1934 г.). Коранические надписи и геометрические орнаменты пиштака,

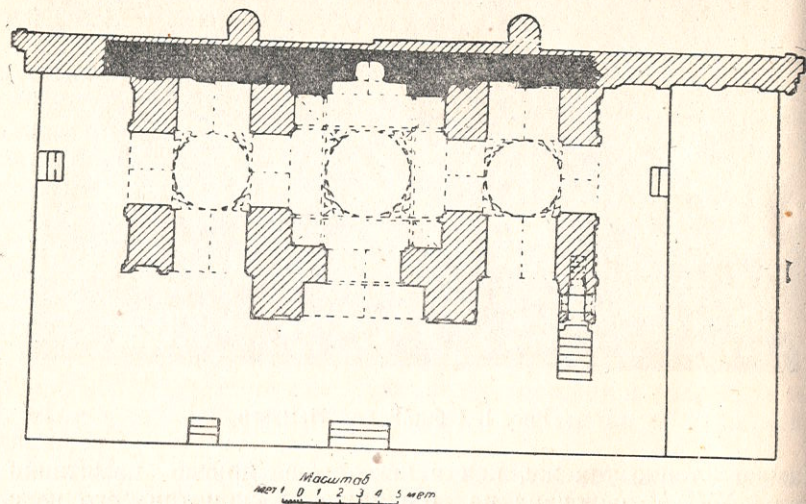

Рис. 2. План Намазго

выполненные скуными средствами из поливного синего и голубого кирпича в типичной «абдуллахановской» манере, дополняют общую специфику сооружения.

Более старой частью памятника является его западная стена, сохранившая на своей внутренней поверхности облицовку XII в. Этот период упоминается и в источниках—Китаби-мулла-заде¹ и Наршахи, сообщающих, что первоначально гущевствующая мечеть была построена караханидом Мухаммадом Арслан-ханом в 513 г. х. (1119—1120 г. н. э.)².

Сам михраб сохранился только в верхней своей части, где под стрельчатой аркой размещена система сталактитов. Тимпан над михрабом заполнен простым орнаментальным мотивом рельефно выступающих крестиков, выложенных из свет-

¹ Китаби-мулла-заде, литограф. изд., Н. Бухара, 1904, стр. 39—40.

² Тарихи-Наршахи, литограф. изд., Н. Бухара, 1904, стр. 66—67. Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 69.

лого кирпича и перевязанных красными кирпичиками, служащими фоном. Над тимпаном расположена кораническая надпись из майолики; возможно, она более позднего происхождения. Надпись большей частью разрушена, не имеет начала. В сохранившейся части можно прочесть только известную формулу мусульман: «Нет божества, кроме аллаха, и Мухаммед пророк аллаха».

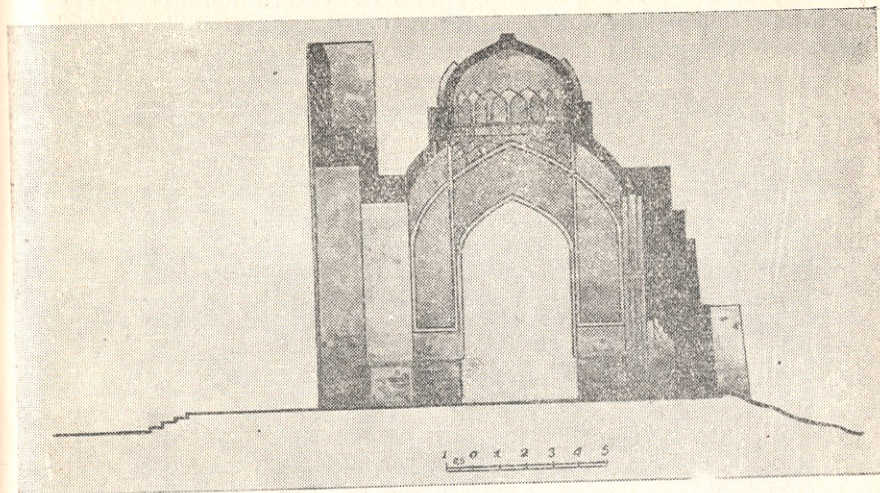

Рис. 3. Разрез здания с востока на запад

Михраб вместе с тимпаном и надписью окружен поясом из многократно повторяющегося, выполненного простой прямоугольной стилизацией куфического шрифта, изречения: «аль-мульку лиляхи», т. е. «царство аллаху» или «власть принадлежит аллаху».

Под большой аркой расположены орнаментально трактованные надписи с именами пророка Мухаммеда и первых четырех халифов — Абу-Бекра, Омара, Османа и Али. В том же мотиве, что и тимпан над михрабом, трактованы стволы колонок ниши. Крестики из светлых мелких отшлифованных кирпичиков на более темном светлокрасном фоне покрывают стволы колонн. Верх колонны венчают изящные терракотовые капители с резными медальонами в центре (рис. 5). Лирообразная форма капители является удачным переходным элементом от прямоугольной пяты архивольты к круглому стволу колонны. Весьма своеобразны панно из терракоты, помещенные по боковым плоскостям ниши, а также узкое панно из резного алебаstra на щековых поверхностях большой арки. Снаружи ниша обрамлялась широким поясом, где между дву-

мя полосками из светлой резной терракоты расположена полоса из поставленного плашмя на ребро в шахматном порядке (с перевязкой швов) красного шлифованного кирпича размером $22 \times 22 \times 3$ см¹

Таким образом, центральная ниша в западной стене обработана всеми видами декора, известными в то время. Здесь и терракота, и штук, и мелкий шлифованный кирпич, причем для полноты эффекта в монохромную фактуру кирпича и терракоты введен еще цвет — пример почти единственный в зодчестве Мавераннахра².

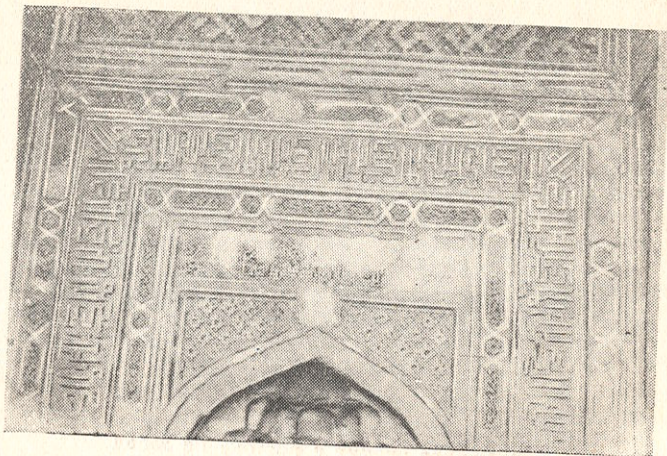

Рис. 4. Верхняя часть ниши михраба

Гораздо скромнее обработаны стены в северном и южном нефях. В южном нефе узкая, плоская стрельчатая ниша сочетается через более широкую нишу (шир. 2,08 м) с такой же нишей, выходящей из пределов современной мечети³. В более широкой нише архивольт покоится на простых лирообразных капителях, венчающих граненые колонки из кирпича. Арочки

¹ Обрамление ниши было нами вскрыто из-под многослойной штукатурки в июне 1947 г. во время археологического обследования памятника. Штукатурка весьма крепкая с добавками в ганчевый раствор древесной золы, песка, кирпичной и каменной крошки. Нижние слои штукатурки принадлежат, вероятно, к XVI в., т. е. ко времени пристройки к задней стене существующего ныне здания. Расчистка производилась на возможную высоту (выше пяти большой арки). Кладка ровной полосой уходит под паруса существующего портика.

² Этот прием, но не так сильно выраженный, применен также в мечети Маюки-Аттори.

³ Широкая арочка и арочка, выходящая наружу с южной стороны, наполовину закрыты устоем позднейшей мечети, но легко реконструируются.

же малых ниш опираются на вертикальный ряд плашмя положенных отшлифованных кирпичей.

В северном приделе располагается только одна малая нишка, аналогичная нишкам с южной стороны.

Все пространство стены покрыто кирпичной выкладкой из спаренного кирпича с вставками в виде «бантиков». Более насыщено обработаны только верхние части арок, где рельефно выступающие отшлифованные кирпичики образуют геометрические орнаментальные мотивы (рис. 6). В одном случае это замысловато переплетающиеся между собой ленты из квадратов, соединенных по диагонали, в другом — в светлые диагонально пересекающиеся подобные же ленты вкомпанованы крестики из кирпича красного оттенка¹.

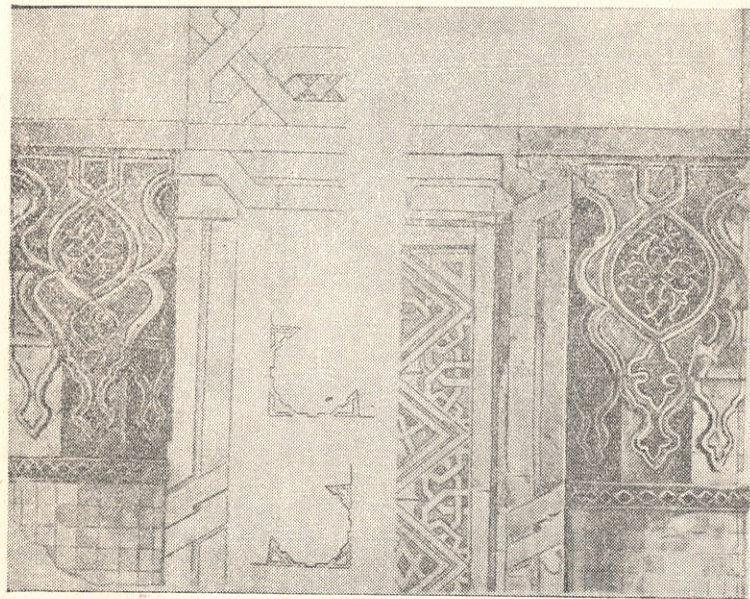

Рис. 5. Капители колонн

Что представляла собой Намазго в XII в., без серьезных археологических исследований, связанных с большими раскопными работами, сказать окончательно трудно. Всякого рода предположения на этот счет, как, например, что к «запад-

¹ В северной стороне здания, слева от нишки, стена покрыта штукатуркой, под которой выявлена закладка из жженого кирпича размер $25 \times 25 \times 4$ см. на ганчевом растворе. Закладка произведена до пристройки портика, пилон примыкает к ней впритык, и кладка уходит под пилон без перевязи.

ной стене с михрабами пристраивалась деревянная галлерея или портики для защиты молящихся от зноя и непогоды», как это утверждает Судаков¹, базирующиеся только на том, что в X—XII вв. «деревянные постройки были сильно распространены в Бухаре», —слишком условны.

Некоторый материал для предположения о первоначальном виде памятника дает Наршахи. Так, при описании постройки Намазго Арслан-ханом он говорит только о том, что его «окружили высокой стеной и сделали мимбар и михраб»². То

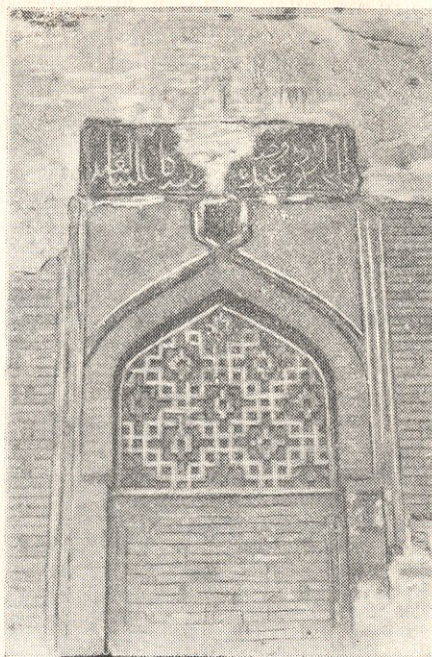

Рис. 6. Декоративная ниша в западной стене

же самое он говорит о Намазго, построенной саманидом Саид-Мансуром ибн-Нухом в 360 г. х. (970—971 г. н. э.), где также были изготовлены только очень красивые михрабы

¹ Судаков, цит. соч., стр. 60—61.

² Тарихи-Наршахи, стр. 67. В русском переводе Наршахи Н. Лыкошин, пользовавшийся другими экземплярами рукописи, добавляет: «сделали мимбар и михраб из жженого кирпича и еще выстроили возвышение для произносящих такбир — Наршахи, История Бухары, стр. 69.

и мимбары и несколько возвышений для произносящих такбир¹.

Эти высказывания, а также архитектурно-археологический анализ западной стены Намазго привели нас к выводу, что, возможно, Намазго в X—XII в. не представляла собой какого-то пространственного сооружения, наподобие обычных мечетей. Это было место праздничной молитвы, где только и имелось самое необходимое — михраб и мимбар.

Такое предположение вполне реально также и потому, что Намазго «эксплоатировалась» всего два раза в год и располагалась обычно за городом, на довольно большом расстоянии. При этих условиях не было смысла строить более капитального сооружения. К тому же во время праздников сюда стекалось такое большое количество людей со всех окрестностей Бухары, что для их размещения вряд ли могли быть выстроены какие-то помещения. Так, Наршахи в описании Намазго, построенной в 970—971 г. и располагавшейся на Сумитанской дороге, указывает, что «от места праздничной молитвы до ворот крепости Бухары было пол фарсанга (3—3,5 км) расстояния, и все это пространство во время праздничной молитвы занимали молящиеся»².

При подобном стечении народа не может быть и речи о каких-нибудь деревянных галлереях или портиках. Все это подтверждает наше мнение о типе Намазго в X—XII вв., и мы можем уже более уверенно представить себе наш памятник в его первоначальном виде (рис. 7).

В центре этого своеобразного сооружения возвышалась колоссальная михрабная ниша. Эту нишу и расположенный над ее стрельчатой аркой тимпан окаймляла по периметру художественная выкладка из терракоты.

Слева от михраба находился монументальный мимбар, декоративно обработанный в той же технике, что и михраб. Высокая стена со стрельчатыми высокими, плоскими нишками³ соединяла эти два элемента в одно целое. Расположенный в центре, значительно возвышавшийся над всем зданием и наиболее богато обработанный всеми видами декоративной техники тех веков, михраб являлся основой композиции этого сооружения, ее главным, подчиняющим себе все остальное, композиционным центром. Факт существования подобных

¹ Тарихи-Наршахи, стр. 66; перевод Лыкошина, стр. 68.

² Тарихи-Наршахи, стр. 66. Видимо, Намазго располагалось где-то около современного Чор-Бакра.

³ Эти нишки на южном и северном отсеках стены расположены асимметрично к нише михраба, что также исключает возможность нахождения их в отдельных помещениях, отдельных с главным, где находился центральный михраб, так как симметрия в расположении второстепенных помещений по отношению к главному в большинстве случаев являлась законом в планировке зданий этой эпохи.

необъемных культовых сооружений в период раннего средневековья весьма знаменателен во многих отношениях.

Во-первых, он вводит в историю среднеазиатской архитектуры новый памятник, необычный в своем композиционном построении. Подобных памятников на территории зарубежных мусульманских стран мы не знаем. Это подчеркивает самобытность среднеазиатской архитектуры, независимость в ее развитии, вообще, и в развитии архитектуры подобных сооружений, в частности.

Во-вторых, можно предположить, что существование этого вида Намазго дает новые сведения для выяснения вопроса генезиса такого соподчиненного элемента среднеазиатской средневековой архитектуры, как пиштак.

Пиштак, впервые появившийся в Средней Азии, в своем генезисе, безусловно связан со многими факторами. На его формирование оказали влияние и древний традиционный прием акцентирования входа в крупных монументальных сооружениях, и необходимость выявления фасада в условиях сложившегося феодального города и пр.

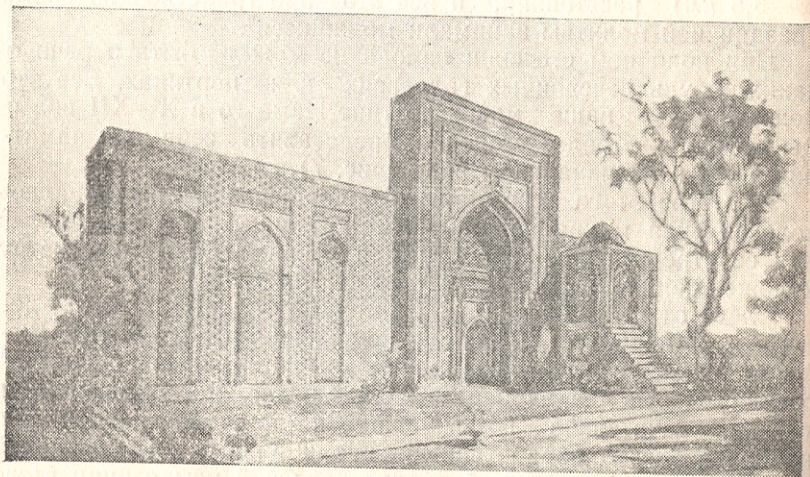

Рис. 7. Опыт реконструкции первоначального вида Намазго

Не мог ли михраб послужить также основой для формы пиштака? Это весьма сомнительно, если михраб рассматривать только как форму интерьерную, расположенную внутри мечети, и в большинстве случаев даже не являющуюся основным ядром в организации внутреннего пространства здания. Но если считать возможным существование михраба как самостоятельной архитектурой формы, входившей в композицию некоторых сооружений как главный элемент, подчи-

няющий себе все остальное, то подобное заимствование его могло иметь место. Некоторое использование формы михраба в тех социальных и религиозных требованиях, которые сложились в XI—XII вв., т. е. во время усиленного становления феодальных отношений и усиления местного духовенства, было логичным. Эта форма, как никакая другая, могла способствовать отражению окончательного утверждения ислама и его духовной силы, как опоры местных государей и господствующих классов. Она в некоторой части обусловила социальное лицо средневековой среднеазиатской архитектуры и положила отпечаток на каноничность формы пиштака вплоть до начала XX в.